

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

Когнитивные исследования языка

Выпуск XXVII

**АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ
ПОДХОД В КОГНИТИВНОЙ
ЛИНГВИСТИКЕ**

Сборник научных трудов

Москва-Тамбов
2016

УДК 40 *Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ для публикации результатов диссертаций.*
ББК 80 Индекс 79191 в каталоге ОАО «Роспечать» на 2016 год, стр. 157
К57

Редакционная коллегия:

Болдырев Н.Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор серии);
Демьянков В.З., доктор филологических наук, профессор (отв. редактор выпуска);
Позднякова Е.М., доктор филологических наук, профессор;
Виноградов В.А., доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН;
Новодранова В.Ф., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л.А., доктор филологических наук, профессор;
Гольдберг В.Б., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л.В., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А.Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е.А., кандидат филологических наук, доцент (отв. секретарь серии)

Когнитивные исследования языка / гл. ред. серии Н.Н. Болдырев ;
К57 М-во обр. и науки РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов. – М. : Ин-т языкознания РАН ; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008– .
ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. XXVII : Антропоцентрический подход в когнитивной лингвистике : сборник научных трудов / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. – 2016. – 780 с.

ISBN 978-5-00078-105-0

В сборнике представлены материалы, отражающие реализацию антропоцентрического подхода в современной когнитивной лингвистике. Обсуждаются общие проблемы антропоцентризма в когнитивной теории, влияние человеческого фактора на процессы концептуализации и категоризации в языке. Демонстрируются различные возможности и реализация антропоцентрического подхода в семантических исследованиях и в когнитивном описании грамматики. Особое внимание уделено перспективам и результатам междисциплинарных исследований человеческого фактора в языке.

Издание адресовано филологам, преподавателям, научным сотрудникам, аспирантам, студентам вузов, а также всем, кто интересуется когнитивными исследованиями в современной лингвистике.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-00078-105-0 (Вып. XXVII) © ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2016

ISBN 978-5-89016-442-1

© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов,
2016

В.З. Демьянков (Москва, Россия)

ОБ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКЕ¹

Антропоцентризм в гуманитарных науках – это исследование предметов человеческой культуры под углом зрения человека – носителя этой культуры. Учет потребностей и целей этого человека позволяют установить некоторые свойства изучаемого предмета, за пределами такого подхода не замечаемые. Исследование трансфера знаний входит в задачу антропоцентрического подхода к когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: антропоцентризм, трансфер знаний, когнитивная лингвистика.

DOI: 10.20916/2071-9639-2016-27-36-45

1. Антропоцентризм

В центре внимания гуманитарных наук находится человек, поэтому можно сказать, что антропоцентризм в широком смысле лежит в основе любой гуманитарной науки. В частности, языкознание приобретает выраженный антропоцентрический характер, когда ставит задачу не только исследовать язык «в себе и для себя», но и выяснить, каков тот человек, который пользуется или пользовался этим языком.

Часто полагают, что теория языка (включающая субъективные и индивидуальные черты «человека говорящего») и есть теория человека, а потому является частью антропологии в широком смысле слова (см.: [Löseneg 1997: 139]). С этой точкой зрения солидарны даже те представители американского структурализма, которые считали лингвистику разделом антропологии, и которых интересовал вопрос: “what, precisely, are those patterns of behavior which are common to all human communities everywhere, but are not shared also by any nonhuman organisms” (какие именно структуры поведения присущи всем человеческим обществам везде, но не присущи никаким нечеловеческим организмам) [Hockett 1977: 10]. Антропологической лингвистикой (или «лингвистической антропологией», по [Hymes 1983: 1]) можно назвать исследование языка и речи с целью выявить принципы, объясняющие человеческое поведение.

¹ Публикация выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-28-00130 «Лингвистические технологии во взаимодействии гуманитарных наук») в Институте языкознания РАН.

Некоторые последователи структурализма, настаивающие на «внечеловеческих» принципах исследования языка и коммуникации, всерьез полагают, что общение состоит в «обмене информацией» подобном передаче материальных предметов из одного места в пространстве в другое (ср.: [Boom 1987: 105]). В противоположность типичным структуралистам, сторонники антропологически ориентированного взгляда на коммуникацию пытаются выявить мотивы людей, передающих свои «речевые произведения» из рук в руки, жанры этих произведений, намерения, лежащие за таким общением и т.п. (см.: [Günthner 2000: 10-11]). Например, в каких обстоятельствах пользуются речью, какие цели речевые действия преследуют и каких могут реально достичь. Главной гипотезой при этом является положение «антропологии культуры» о том, что человеческое поведение – в частности, речевое поведение, – не только биологически детерминировано, но и ориентировано на фон конкретной культуры (см.: [Poortinga 1996: 65]). Объяснение того, как человек интерпретирует языковые выражения, требует антропоцентрического подхода (см.: [Болдырев 2015]). Антропоцентрическому подходу противопоставляется системноцентричный (см.: [Алпатов 1993]).

Как справедливо указала Е.С. Кубрякова, в лингвистике антропоцентрический принцип «связан с попыткой рассмотреть языковые явления в диаде «язык и человек», но из-за возможных различий в подходе он фактически принимает в разных школах современности нетождественные формы» [Кубрякова 1995: 213].

Так, рассмотрение самих структур человеческого языка как неких подобий человека можно назвать «человекоуподоблением», или «антропоцентризмом в узком смысле». Например, находим такое уподобление в семантическом согласовании подлежащего и сказуемого: «Судя по тому, что до сих пор действие субъекта мы можем выразить, т.е. представить себе только человекообразно («дождь идет», как «человек идет», «я иду»)), можно думать, что и вообще понятие действия, причины возникали так, что наблюдение над нашими действиями перенесено на действия объектов, так что всякий субъект – подобие нашего я, как всякое действие – подобие нашего действия. Таким образом, отношения между понятиями: субстанция и явление, вещество и сила или качество, бог и мир – человекообразны, могут быть в нашем языке выражены лишь как подобия отношения между нашим Я и его действием, в частности – его познанием вместе с познаваемым» [Потебня 1968: 7-8].

Другое яркое проявление антропоцентричности представлено категорией посессивности: «[...] в мире (или в нескольких мирах в смысле модальной логики) есть то, что определяется как принадлежащее говорящему (или говорящим), слушающему (слушающим) и всем остальным. [...] именно эта идея и лежит в основе той системы притяжательных местоимений, через которую языки мира так или иначе выражают отношения посессивности. Возможно, что ни в одной категории так ярко не сказывается «эгоцентричность» или «антропоцентричность» естественного языка» [Иванов 1989: 8].

Итак, язык антропоцентричен, а исследование его может опираться на антропоцентрический подход: так в специальной литературе употребляются два очень похожих прилагательных – *антропоцентричный* и *антропоцентрический*.

В более широком смысле, вслед за Э. Бенвенистом, говорят об «антропологическом принципе», состоящем, по Ю.С. Степанову, в положении, что «язык есть семиотическая система, основные референционные точки которой непосредственно соотнесены с говорящим индивидом» [Степанов 1974: 14]. Антропоцентрический взгляд на язык – это «человеческое» исследование языка, т.е. с позиций (любого) человека [Hymes 1964: XXIII]. А «лингвистический» взгляд на язык – тот частный случай антропоцентрического подхода, когда язык рассматривают с позиций людей, специально занимающихся исследованием языка и называющих себя лингвистами.

Раздвигая же границы исследования, иногда говорят об антропоцентрической теории ментальности в целом (например: [Allen, Bekoff 1997: X]), исходя из того, что прототипичная ментальность – человеческое свойство, которое только по переносу, «трансферу», может быть приписано представителям иных классов органической природы.

2. «Трансфер знаний»

И здесь на нашем горизонте появляется термин *трансфер*, употребляемый в гуманитарных и социальных дисциплинах в различных значениях. Например, в переводоведении термин *трансфер знака* используется в значении «перенос одного знака как элемента некоторой знаковой структуры и как потенциала формы и функции в состав другого знака, в качестве элемента другой знаковой структуры. С помощью этого понятия описываются прямые и обходные маневры при переводе «трудных» выражений с одного языка на другой [Reiss, Vermeer 1984: 88], ср. [Luckhardt 1987: 17].

Только по недоразумению трансфер знаний можно отождествить с понятием «переносный смысл» выражения. Знание – принадлежность человека, то, что человек знает. Субъектом трансфера знаний является человек, иногда очень конкретный носитель этих знаний. А перенос значения осуществляется как бы «само по себе», в рамках некоторой абстрактной системы значений языкового выражения: переносное значение – предприятие «безличное», псевдосубъектом этого переноса является знак, получающий это переносное значение и существующий как бы отдельно от человека. Причем знак выступает в роли получателя, а кто является дающим в такой ситуации, остается за пределами речи о семантическом переходе. Мы можем сказать: «Коля передал свои знания ученикам», но странно звучит: «Коля перенес значение слова *кошка* на жену», – только, возможно: «Коля употребил слово *кошка* в переносном значении». О значении говорят как об одной из сторон языковых выражений: допустимо сказать, что человек знает или не знает значения знака. А о знании не говорят «X знает знание K».

Забегая вперед, можем сказать, что опора на понятие трансфера знаний является еще одним проявлением антропоцентризма в нашей науке.

По переносу, трансфером знаний в широком смысле называют передачу от человека к человеку не только практических и теоретических сведений, но и навыков, установок, предпочтений в выборе подходов к решению житейских или научных проблем (см.: [Демьянков 2015]). Такие знания переносятся из одной позиции «информационной системы» человека в другую позицию – той же или другой системы.

В узком же смысле трансфер знаний – перенос мнений или теоретических достижений (иногда – и предрассудков) из одной сферы жизни человека в другую. Так, метафора – употребление выражения в «переносном» смысле, когда в терминах одной области знаний говорят о том, что известно меньше и/или хуже. Это переход от знания, данного непосредственно, к знанию, полученному опосредованно.

В последнее столетие очень широко исследуются различные виды трансфера знаний, когда понятия (т.е., договоренности о том, как понимать те или иные термины) той или иной социальной или гуманитарной науки анализируются в опоре на то, как об этих понятиях принято говорить в обыденной речи, которая, как предполагается, является донором. Например, классифицируя различные контексты

употребления научных терминов и/или конструкций в обыденной речи, делают выводы о том, что же лежит за соответствующими научными понятиями.

Трансфер знаний лежит в основе небуквального употребления языковых выражений, когда о предметах, не данных непосредственно, говорят в терминах других предметов, «лично известных» лучше, менее опосредованно. Тогда имеют дело с трансфером «от известного к неизвестному». В частности, техники анализа значений у слов, используемых в научном и обыденном дискурсе, позволяют выявить механизмы такого трансфера знаний. Исследования метафоры в когнитивной лингвистике последних лет демонстрируют начало в реализации этого подхода, даже если при этом термин *трансфер знаний* не употребляется.

3. Когнитологический антропоцентризм

Понятию «когнитивная антропология» посвящена значительная литература, особенно начиная с 1950-х гг. Главная задача этой дисциплины – выяснить, что люди могут думать вообще, при каких обстоятельствах это происходит, чем обусловлено, а также “how ideas are thought” (как «идеи думаются») в рамках того или иного социума [Rousseau 1995: 289]. Базисным является предположение, что любой психический процесс – и у людей, и у животных, – результат не только биологических факторов, но и социализации.

Один из подходов к такой проблеме – исследовать, как из хаоса всех возможных идей рождается порядок в виде системы мыслей (см.: [Ingold 1996: 103]). Именно в рамках этой исследовательской программы широкое применение получила компьютерная метафора, при которой когниция рассматривается как аналог обработки данных компьютером.

При другом же подходе ставят задачу установить, как обычные люди «порождают» и используют свои знания при продуцировании мыслей в своей обычной жизни [D'Andrade 1995: XIV], а также как они «конвенционализируют» (или «легитимизируют») свои эти знания и идеи в рамках конкретной культуры [там же]. Этот подход ориентирован на исследование культуруобусловленных знаний, облеченных в слова, в дискурс, в иные артефакты. Про такие артефакты говорят, что с их помощью знание «передается». Когнитивная антропология, с этой точки зрения, – исследование отношений между человеческой культурой и человеческим мышлением [там же: 1]. На культурном наследии сказываются потенции и ограничения человеческой когнитив-

ной системы, а культурная репрезентация и когнитивный процесс влияют друг на друга («the cultural heritage itself is influenced by the inherent capacities and limitations of the human cognitive system – that the influence between cultural representation and cognitive process is reciprocal») [D'Andrade 1995: 252].

Одни и те же феномены человеческого бытия можно объяснять с нескольких точек зрения. В частности, с точки зрения культурной и цивилизационной.

Как известно, термины *цивилизация* и *культура* соперничают в различных концепциях развития человеческой ментальности. А именно, французский термин *civilisation*, вошедший в середине 18 в. в научный оборот и во Франции, и за ее пределами, имел значение «культура как образ жизни». Недаром, в отличие термина *культура*, изначально этот термин не имел формы множественного числа: когда говорили о цивилизации, имели в виду некоторый единственный, уникальный, идеальный образ жизни, взятый в отвлечении от различий, существующих в реальных обществах. Термином же *культура* западноевропейские исследователи обозначали различные экзотичные общества, за пределами «западной цивилизации». Вот почему сегодня постепенно установилось такое разграничение задач: культурология занимается исследованием культуры глазами носителя этой культуры, а этнология – глазами внешнего «цивилизованного» наблюдателя, то есть, на фоне цивилизации, а не в рамках самой этой исследуемой (обычно экзотичной) культуры.

В языкознании 20-21 вв. видят аналогию между цивилизацией и универсалиями языка, с одной стороны, и культурами и идиоэтническими особенностями языкового употребления, с другой. На языке пропорций можем сказать: цивилизация так относится к культурам, как «универсальный язык» (включающий «универсалии языка») относится к исторически засвидетельствованным языкам.

При таком понимании цивилизационные ограничения на исторически засвидетельствованные языки можно представить себе как границы, предопределяющие развитие языков в рамках существующей цивилизации.

Выявление этих границ в гуманитарных науках происходит методом «реконструкции» – внутренней и/или внешней: рассматривая реликты и «слабые места» в наблюдаемых свойствах реальных языков, решают, какие расхождения между языками случайны, а какие обусловлены языковыми универсалиями, лежащими в основе когнитивного

механизма всех человеческих языков. Методы такой культурологической реконструкции оказались весьма плодотворными для современной лингвистики. Здесь эти методы используются не столько для восстановления внешней формы языковых знаков – того, как они выглядели или звучали в далекие времена праязыка, – сколько для выявления системы закономерностей, связывающих языковые знаки между собой и с их значениями в речи. Иначе говоря, для интерпретации эмпирических данных в цивилизационно предначертанных рамках (когда ученый стремится к «надкультурной», этнологической реконструкции) – или в рамках конкретной культуры (когда исследователь «заземлен» на конкретную национальную культуру и не обладает амбициями выйти за ее пределы).

Интерпретируя факты, а также чужие и свои высказывания, человек обладает свободой, которая также может по-разному рассматриваться: в цивилизационном и/или культурном формате.

Сегодня, когда освоение большого эмпирического материала происходит в опоре на большие корпуса текстов, с помощью «понимающей» социологии текста (или социологии дискурса), исследуются многие важные когнитивно нагруженные понятия. Этот метод лежит в основе, например, контрастивной лингвистической философии, исследующей обыденную речь о философски нагруженных понятиях в разных языках.

Исходным для этого метода является вопрос, почему об одних и тех же идеях, тождественных в рамках данной цивилизации, в разных культурах говорят по-разному. И говорят ли действительно об одних и тех же идеях (как если бы они принадлежали одной общей для разных народов цивилизации), – или имеются в виду совершенно разные идеи.

Таким образом, на границе между философией и языковедением лежит выявление тех аспектов языка, которые позволяют взглянуть на цивилизационный мир, лежащий за пределами родных национальных (т.е., «культурных») ворот.

Вряд ли есть прямая зависимость между употреблением слов и философскими установками разных народов, говорящих на разных языках. Тем не менее, наблюдения приводят нас к вопросу: а действительно ли мы говорим об одних и тех же вещах на разных языках? Сомнения в этом приводят некоторых исследователей к тому, чтобы считать фантомом само понятие цивилизации.

Сегодня на повестку дня вышло эмпирическое исследование ограничений, накладываемых цивилизацией на конкретные языки: можно предположить, что в рамках различных языков не только хранятся различные данные о внеязыковой действительности, но и задаются различные пути трансфера знаний. Иначе говоря, пути познания одних и тех же (универсальных, цивилизационных) сущностей в различных языках и культурах различны.

Заключение

1. *Трансфер знаний* – термин, характеризующий антропоцентрический подход к когниции и к языку, когда в фокусе внимания находится не только предмет знания, но и – даже в большей степени – субъект, носитель этого знания – человек.

2. Исследование предметов человеческой культуры под антропоцентрическим углом зрения является проявлением научной эмпатии к человеку. Гуманитарные науки по своему определению обречены на такую эмпатию.

Литература

Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15-26.

Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах и категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (42). С. 5-12.

Демьянков В.З. Языковые следы трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXIII. С. 17-29.

Иванов Вяч. Вс. Синхронная и диахроническая типология посессивности // Категория посессивности в славянских и балканских языках. М.: Наука, 1989. С. 5-43.

Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца 20 века: сборник научных статей. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 144-238.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 3 т. Т. 3. Об изменении значения и заменах существительного. М.: Просвещение, 1968.

Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований: Вступительная статья // *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974. С. 5-16.

Allen C., Bekoff M. The philosophy and biology of cognitive ethology. Cambridge (Massachusetts); London: Massachusetts Institute of Technology Press, 1997.

Boom H. van der Mythische Präsentation und situative Repräsentation // *Grammatik des Sozialen: Eine Theorie des gesellschaftlichen Codes und des gesellschaftlichen Diskurses*. Tübingen: Narr, 1987. S. 103-120.

D'Andrade R. The development of cognitive anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Günthner S. Vorwurfsaktivitäten in der Alltagsinteraktion: Grammatische, prosodische, rhetorisch-stilistische und interaktive Verfahren bei der Konstitution kommunikativer Muster und Gattungen. Tübingen: Niemeyer, 2000.

Hockett Ch.F. The view from language: Selected essays 1948-1974. Athens: The University of Georgia Press, 1977.

Hymes D.H. General introduction // *Language in culture and society: A reader in linguistics and anthropology*. New York, etc.: Harper & Row, 1964. P. xxi-xxxii.

Hymes D.H. Essays in the history of linguistic anthropology. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1983.

Ingold T. Culture, perception and cognition // *Psychological research: Innovative methods and strategies*. London; New York: Routledge, 1996. P. 99-119.

Lösener H. Sprachtheorie als Anthropologie: Vom Dualismus des Zeichens zur Pluralität des Geschichtlichen // *Technologischer Wandel in den Philologien*. Stuttgart: Metzler, 1997. S. 139-149.

Luckhardt H.-D. Der Transfer in der maschinellen Sprachübersetzung. Tübingen: Niemeyer, 1987.

Poortinga Y.H. Indigenous psychology: Scientific ethnocentrism in a new guise? // *Asian contributions to cross-cultural psychology*. New Delhi etc.: Sage, 1996. P. 59-71.

Reiss K., Vermeer H.J. Grundlegung einer allgemeinen Translations-theorie. Tübingen: Niemeyer, 1984.

Rousseau J. The subject of knowledge // *Beyond textuality: Asceticism and violence in anthropological interpretation*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995. P. 289-302.

V.Z. Demyankov (Moscow, Russia)

**ON ANTHROPOCENTRICALLY-ORIENTED
COGNITIVE LINGUISTICS**

Anthropocentric approach in humanities consists in considering human culture from the point of view of humans belonging to this culture. Phenomena of knowledge transfer belong to the main objects of anthropocentric approach to cognitive linguistics.

Key words: anthropocentric approach, knowledge transfer, cognitive linguistics.